

КАРФАГЕНСКИЙ ЕПИСКОПАТ ВРЕМЕНИ СВЯТИТЕЛЯ КИПРИАНА (Опыт характеристики)

В сентябре 256 г. святитель Киприан, епископ Карфагенский, созвал Собор, на который съехались предстоятели всех африканских Церквей: восемьдесят три человека. Собран был Собор по следующей причине: еретиков и раскольников, покаянно возвращающихся в лоно истинной Церкви, или крестили, или только помазывали миром. Практика тут была разная: на Востоке и в Африке крестили, на Западе ограничивались помазанием; следовали своим, издавна укоренившимся обычаям, и ни Восток от Запада, ни Запад от Востока не требовал отказа от этих, стариной освященных обычаев.

Все было мирно, пока на Римской кафедре епископом не оказался Стефан, человек крутой и властный. Он объявил себя «епископом епископов», потребовал, чтобы Восток и Африка еретиков не крестили, а только миропомазывали, и пригрозил послушникам отлучением.

Африка возмутилась. Карфагенская Церковь всегда поддерживала добрые отношения с Римом, Римского епископа чтили как преемника апостола Петра, но никогда не считали, что он имеет право распоряжаться во всех Церквях и всюду устанавливать свои порядки. Возмутился и Восток. Епископ Каппадокийский Фирмилиан, человек авторитетный и весьма уважаемый, назвал в письме к святителю Киприану Римского епископа самонадеянным и невоспитанным глупцом. Святитель Киприан решил, по своему обыкновению, привлечь к обсуждению вопроса о крещении еретиков, взволновавшего и Церковь, и мирян, всех африканских епископов. Собралось, как мы уже сказали, восемьдесят три епископа. Каждому было предложено «свободно и спокойно» изложить в письменной форме свое мнение. Эти мнения («сентенции») и содержат материал для характеристики африканских епископов, современных святителю Киприану.

Это — люди церковно образованные: они знают Священное Писание и любят подкреплять свои мысли ссылками из Ветхого Завета, Евангелия, Посланий апостола Павла и апостола Иоанна. Они интересуются историей родной африканской Церкви: знают о прежде бывших Соборах, знакомы с их постановлениями. Некоторые окончили грамматическую школу, а может быть, и риторскую: хорошо пишут, мастера антитез (1) и (22), доказывают свою мысль от Писания и здравого смысла и выражают ее коротко и убедительно. «Кто говорит, что еретики имеют власть крестить, пусть сначала скажет, кто основатель ереси. Если ересь от Бога, то еретники имеют и милость Божию; если же ересь не от Бога, то могут ли еретники иметь благодать Божию или кому-либо ее сообщать?» (Приватан из Суфетулы, 19). Неожиданно выдвинуто доказательство, подсказанное не логикой, а горячей любовью и предан-

ностью Церкви: «Если муж, отправляясь в дальнейшее путешествие, поручил жену свою заботам друга, то друг прилагает всяческое старание к тому, чтобы никто не посягнул на ее чистоту и целомудрие. Христос и Бог наш, отходя к Отцу, поручил нам Церковь, невесту Свою: сохраним ли мы ее в чистоте и непорочности, или выдадим, непорочную и целомудренную, прелюбодеям и совратителям? Тот, кто ставит церковное Крещение наравне с еретическим, выдает ее распутникам» (Венантий из Финиссы, 49).

Еретики не живут отдельной общиной; они вкраплены в гущу всего народа, перемешаны с ним; епископы встречаются с ними ежедневно. И они не только осыпают еретиков бранью из своего ругательного лексикона, небогатого, но весьма выразительного (враги Христовы; сыны антихристовы, покрытые зловонным гноем ереси; синагога сатанинская; все одержимы бесом, и надо их отчитывать), но и предьявляют им конкретное обвинение: они уводят овец Христовых из Церкви, этого вместилища истины, всегда там пребывавшей и пребывающей; «оставляя ловушки, расхищают стадо Христово» (17) и занимаются пропагандой своей ереси, пользуясь Писанием, которое истолковывают по-своему, в свою пользу: «они рвут своими лживыми словами святые и дивные слова Писания» (31). Нигде у святителя Киприана — ни в письмах, ни в его трактатах — нет упоминания о публичных диспутах, вроде тех, которые Иустин Философ вел с язычником Крискентом, но можно не сомневаться, что епископы возражали еретикам в своих проповедях или в окружных посланиях к пастве своих епархий. Вернуть в Церковь, освободить душу человеческую от власти днавола — это их обязанность, чувство, ярко выраженное в приводимых ниже словах епископа Секундиана.

К вернувшимся в Церковь относятся внимательно и милостиво; каждого расспрашивают, ушел ли из Церкви уже окрещенным (вторично его, конечно, не крестят), какое место занимал в еретической иерархии. Прощлым не попрекают. «Будем в общении с ними», — ласково говорит епископ Феликс из Багаи (12). Христианским милосердием дышат слова епископа Секундиана из Фамбии: «Если они (еретики) не будут окрещены в Церкви Господа нашего Иисуса Христа и не получат поэтому отпущения грехов, то в день Суда они обвинят нас, что мы не окрестили их и потому они не получили Божественной благодати» (80).

Епископы проникнуты сознанием высокого достоинства своего сана — они преемники апостолов: «Истина Вселенской Церкви, Матери нашей, оставалась и остается у нас» (Монул из Гирбы, 10); «Мы, по милости Божией, именуемся друзьями Божиими» (Секунд из Цедии, 11); они управляют Церковью, «имея ту же власть, что и апостолы» (Клар из Маскулы, 79).

Участники Собора оставляют впечатление неизгладимое. Сильные своим единодушием, преданные Церкви, добрые пастыри, болеющие не только за свое стадо, но и за всякую душу человеческую, они сберегли единство Церкви, одолели расколы и ереси. Так мало оставили они сведений о себе: имя, место служения, краткую «сентенцию», сквозь которую проглядывает ее автор, но великого уважения и благодарной памяти заслуживают эти скромные люди.
